

Случилось так, что в начале мая королева Гвиневера призвала к себе десять рыцарей Круглого Стола и объявила им, что на завтра рано поутру она отправится майским поездом по лесам и лугам близ Вестминстера.

– Повелеваю вам, чтобы каждый из вас явился на добром коне и с ног до головы облаченный в зеленое, в шелк или полотно. Со мною же поедут десять дам, так что каждому рыцарю будет дама. Только пусть каждого рыцаря сопровождает оруженосец и двое прислужников, и повелеваю всем им явиться верхами на добрых конях.

И вот снарядились они к выезду со всем возможным тщанием. Имена же тех десяти рыцарей таковы: сэр Кэй-Сенешаль, сэр Агравейн, сэр Брандель, сэр Саграмур Желанный, сэр Додинас Свирепый, сэр Озанна Храброе Сердце, сэр Ладинас-из-Дикого-Леса, сэр Персиант Индийский, сэр Айронсайд Железный Бок, по прозвищу Рыцарь Красного Поля, и сэр Пелеас Влюбленный. И все эти десять рыцарей со всем тщанием снарядились сопровождать королеву.

И вот ранним майским утром, еще до света, они уселись на коней своих и вместе с королевой отправились майским поездом и скакали, не разбирая пути, через леса и луга, с шутками и весельем. А в десять часов, самое позднее, королева хотела возвратиться к королю Артуру, так что к десяти часам назначено было окончание их поездки.

Но был один рыцарь по имени сэр Мелегант, сын короля Багдемагуса, и этот рыцарь получил в те дни в дар от короля Артура замок не далее как в семи милях от Вестминстера. А этот рыцарь сэр Мелегант уже многие годы питал любовь к королеве Гвиневере. И, как повествуется в Книге, он постоянно устраивал засады, чтобы силою захватить королеву, но ни разу не отважился напасть из-за сэра Ланселота, ибо он не решался тронуть королеву, если с нею рядом или же где-то поблизости ехал сэр Ланселот.

А в те дни был такой обычай, что королева никогда не ездил без сопровождения целой рати вооруженных рыцарей. То были добрые рыцари, все больше молодые, искавшие чести, и их называли Рыцари Королевы. И никогда, ни в битвах, ни в поединках, они не носили никаких своих знаков, но лишь гладкие белые щиты, за что и было им дано прозвище Рыцари Королевы. И когда кому-либо из них случалось всех более отличиться в бранном деле, тогда в ближайший праздник Пятидесятницы, если умирал или погибал в бою кто-нибудь из рыцарей Круглого Стола – а в те времена не проходило года, чтобы хоть одним рыцарем да не стало меньше, – и тогда на освободившееся место избирался достойнейший из Рыцарей Королевы. Так был избран еще задолго до того, как прославился, и сэр Ланселот, и все остальные тоже.

Но тот рыцарь, сэр Мелегант, выследил майский поезд¹³¹ королевы, разузнал и о том, куда она направляется, и о том, что сэра Ланселота при ней нет, а сопровождают ее лишь десять рыцарей, облаченные в зеленые одежды ради летнего праздника. И собрал он двадцать вооруженных рыцарей и сотню лучников и приготовился напасть на королеву и ее поезд, ибо он рассудил, что это – самое удобное время, чтобы завладеть королевой.

3

И вот скачет по лесу королева со своими рыцарями, изукрашенными с ног до головы зелеными уборами из трав, мхов и цветов, и вдруг выскакивает из рощи им наперерез сэр Мелегант со ста шестьюдесятью людьми, все в полном боевом снаряжении, и крикнул он королеве и ее рыцарям, чтобы они остановились, ибо, хотя бы они того или нет, им все равно придется покориться.

– Рыцарь-изменник! – сказала королева Гвиневера, – что ты задумал? Или ты решился опозорить себя навеки? Вспомни, ведь ты – королевский сын и рыцарь Круглого Стола, а ты собрался причинить обиду благородному королю, посвятившему тебя в рыцарство! Ты позоришь рыцарское звание, ты позоришь себя и меня. Но знай, что меня тебе опозорить не удастся никогда, ибо я скорее перережу себе горло, чем позволю тебе меня обесчестить!

– Что до этих ваших речей, – отвечал сэр Мелегант, – то это мы еще увидим. Ибо да будет вам ведомо, госпожа, я уже много лет люблю вас и никогда до сих пор не мог к вам приблизиться. И потому, как бы там ни было, я все равно вас не отпущу.

Тут заговорили все десять благородных рыцарей и сказали в один голос так:

¹³¹ Майский поезд. – Обычай праздновать начало весны, традиция которого уходит в дохристианскую древность, был распространен в Англии до конца XVII в.